

Общественное доверие как фактор цивилизованного развития общества

Косьмин А.Д.¹, Кузнецова О.П.¹, Космина Е.А.²

¹ Омский государственный технический университет, Омск, Россия

² Омская гуманитарная академия, Омск, Россия

АННОТАЦИЯ:

Целью представленной работы является выявление объективных и субъективных обстоятельств, обуславливающих очень низкий уровень доверия населения власти (в том числе и ее четвертой ветви) по сравнению с развитыми странами G7 и Юго-Восточной Азии (НИС). Общественное доверие или недоверие рассматриваются в качестве функции так называемой дистанции (от) власти, введенной в научный оборот создателем теории культурных измерений нидерландским социологом Г. Хофстеде. Критическое восприятие обширной литературы по проблемам доверия, ставшего ключевым фактором достижения успехов во всех сферах человеческой деятельности (кстати, Петербургский международный экономический форум 2018 прошел под девизом «Экономика доверия»), сподвигло авторов на уточнение некоторых методологических позиций, положенных в основу многочисленных исследований. Во-первых, экономическим критерием определения обществ (стран) с большой дистанцией от власти следовало бы признать не значения коэффициента Джини $\geq 0.4-0.5$, свидетельствующие всего лишь о степени концентрации доходов населения, а коэффициент дифференциации населения по доходам (отношение доходов 10% самых богатых к доходам 10% самых бедных). Во-вторых, главным и первым признаком доверия является наличие во взаимоотношениях власти и народа факта правдивости (искренности), честности (явленческих форм нравственности) как камертона, эталона гуманного поведения персонифицированной власти. И потому доверие («особое» или «обобщенное» как иногда пишут социологи) рассматривается как «уполномоченный» представитель честности, важнейший показатель капитала нравственного, но не социального. Авторы полагают, что достижение российской организационной культурой низкой дистанции власти возможно лишь при условии вступления на «боевое дежурство» персонифицированного нравственного капитала во всех эшелонах власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: доверие, нравственный капитал, дискреционная власть, индекс дистанции власти, бюрократия, справедливость, правдивость.

Public trust as a factor of civilized development of society

Kosmin A.D.¹, Kuznetsova O.P.¹, Kosmina E.A.²

¹ Omsk State Technical University, Russia

² Omsk Academy of the Humanities, Russia

Введение

Изложение представленного материала следует предварить некоторыми заимствованиями из фундаментального труда Френсиса Фукуямы, в котором рассматриваются отдельные экономические, политические и социальные модели различных стран – России, США,

Англии, Франции, Японии, КНР, КНДР и др. – с разным уровнем доверия, понимаемого как готовность следовать «правилам игры» (институтам, включающим в себя как формальные так и неформальные ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми, задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия в политике, социальной сфере и экономике. Институты и формируют индивидов, и формируются ими [8] (Fukuyama, 2004).

По устойчивости институтов общества делятся на *теплые* и *холодные*.

Холодные общества – это те общества, где люди договариваются о правилах игры (неважно, как они называются – законы, обычаи, традиции, сакральные заповеди и т. д.) и более не нуждаются в налаживании личных отношений для разрешения стандартных ситуаций (это страны Юго-Восточной Азии и Западного мира). В них основное разнообразие институтов сосредоточено на верхних уровнях иерархии и предназначено для разрешения сложных ситуаций.

ABSTRACT:

The purpose of the presented work is to identify objective and subjective circumstances that determine the very low level of trust of the population of power (including its fourth branch) in comparison with the developed countries of G7 and Southeast Asia (NIS). Public trust or mistrust is considered as a function of the so-called distance (from) power, introduced into scientific circulation by the founder of the theory of cultural measurements by the Dutch sociologist H. Hofstede. Critical perception of the extensive literature on the problems of trust, which has become a key factor for achieving success in all spheres of human activity (by the way, the St. Petersburg International Economic Forum 2018 was held under the slogan "Economics of Confidence"), prompted the authors to clarify some of the methodological positions that are the basis for numerous studies. First, the economic criterion for determining societies (countries) with a long distance from power would be to recognize not the values of the Gini coefficient $\geq 0.4-0.5$, which only testify to the level of concentration of incomes of the population, and the coefficient of differentiation of the population by income (ratio of incomes of 10% of the richest to income of 10% of the poorest). Secondly, the main and first sign of trust is the presence in the relationship between the authorities and the people of the fact of truth (sincerity), honesty (the manifest forms of morality), as a tuning fork, the standard of humane behavior of personified power. And therefore trust ("special" or "generalized" as sociologists sometimes write) is seen as an "authorized" representative of honesty, the most important indicator of moral capital, but not social. The authors believe that the achievement by the Russian organizational culture of a low power distance is possible only if the personified moral capital enters into "combat duty" in all echelons of power.

KEYWORDS: trust, moral capital, discretionary power, the index of power distance, bureaucracy, justice, truthfulness

JEL Classification: Z10, Z13, Z19

Received: 01.06.2018 / **Published:** 30.06.2018

© Author(s) / Publication: CREATIVE ECONOMY Publishers
For correspondence: Kosmin A.D. (Kosmin.39@mail.ru)

CITATION:

Kosmin A.D., Kuznetsova O.P., Kosmina E.A. (2018) Obschestvennoe doverie kak faktor tsivilizovannogo razvitiya obschestva [Public trust as a factor of civilized development of society]. Kreativnaya ekonomika. 12. (6). – 733-746. doi: [10.18334/ce.12.6.39194](https://doi.org/10.18334/ce.12.6.39194)

Теплые общества – это те, где люди, наоборот, не сумели договориться об общих правилах и вынуждены компенсировать их отсутствие личными взаимодействиями (в том числе коррупционного характера) или временными драконовскими правилами и виртуальной мистической связью каждого с «вождем» (одновременное существование различных правил). Отсутствие регуляторов справедливости (права, обычаев) очень часто ведет к большой несправедливости и к большому имущественному расслоению, чем в холодных обществах.

К теплым обществам относится Россия и ее западные соседи, а также Латинская Америка.

Общественное доверие определяется как положительные ожидания людей от практических действий власти во всех сферах жизнедеятельности, направленных на повышение уровня и качества жизни, на соблюдение правовых норм и законов, на повышение ответственности ее уполномоченных [12] (*Andrievskiy, 1891*).

Феномен доверия (как функция нравственного капитала, честности, ответственности, совестливости и справедливости) в XI-м веке обретает «свойства», генерирующие формирование нового типа работника, устойчивый и успешный макроэкономический рост, а также гуманистическую ориентацию общества [4, 16, 17] (*Latova, 2003; Lim, Morshed, Khum, 2018*).

В условиях роста и усложнения общества «работающий по найму» суверен (президент) вынужден наращивать структуры государственного управления и делегировать то одну то другую часть удерживаемых функций (чем интенсивнее рост, тем шире круг уполномоченных). А увеличение количества управленческих звеньев всегда расширяет возможности злоупотреблений и, следовательно, снижает «градус» доверия к верховной власти (к суверену).

Процесс развития государства осуществляется мультипликацией тел правителя (это процесс размножения делением). И в этом случае «каждый уполномоченный может делать для себя то, что делает для себя король» (Пьер Бурде). Поэтому именно процесс делегирования власти в пользу вновь создаваемых государственных структур

ОБ АВТОРАХ:

Космин Анатолий Данилович, доктор экономических наук, профессор, академик РАН, Заслуженный работник Высшей школы (Kosmin.39@mail.ru)

Кузнецова Ольга Павловна, доктор экономических наук, профессор, проректор Омского государственного технического университета по внеучебной работе и социальным вопросам, заведующая кафедрой государственного, муниципального управления и таможенного дела, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», Почетный работник сферы молодежной политики Российской Федерации (kuznetsova@omgtu.ru)

Космина Елена Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, доцент (Kosmina07@mail.ru)

ЦИТИРОВАТЬ СТАТЬЮ:

Космин А.Д., Кузнецова О.П., Космина Е.А. Общественное доверие как фактор цивилизованного развития общества // Креативная экономика. – 2018. – Том 12. – № 6. – С. 733-746. doi: 10.18334/ce.12.6.39194

и частного бизнеса вписывает, например, коррупцию в саму структуру государства, что вызывает недовольство всей системой перераспределения ренты, а также причинами, согласно которым осуществляется отбор тех, кто осуществляет государственное управление.

Угрозы от дискреционной власти (от фр. *discretionnaire* – зависящее от личного усмотрения) трансформируются в недоверие к ней, от предоставления права должностному лицу или государственному органу действовать по своему усмотрению (угроза от дискреции – решений каких-либо вопросов по их собственному усмотрению).

Особенно часто дискреционная власть осуществляется административными органами и судами, что означает на практике нарушение таких демократических преимуществ, как неприкосновенность личности, презумпция невиновности и т. п.

Должностное лицо в любой структуре власти, наделенное законодателем правами разрешать, решать, принимать решения (порой судьбоносные), в меру своего понимания действующего законодательства (минус совесть и ответственность плюс непреодолимое желание, помноженное на открытую возможность что-то извлечь для себя) становится вершителем судеб («судильщиком»).

Дискреционные полномочия государственных органов и должностных лиц должны быть минимизированы государством посредством усиления надзора и контроля за их деятельностью, обеспечения ее прозрачности, кооптирования в структуры государственной власти меритократов – людей глубоко нравственных, любящих Родину, чьи личные, частные интересы и цели вполне согласуются с общественными.

Власть ... уходит от народа...

Недоверие к власти, конфликт между чиновниками и гражданами является результатом большой дистанции власти (Герт Хофстеде), пользующейся особыми привилегиями и не испытывающей почтения к гражданам страны, особенно к людям «третьего возраста». Это очень контрастирует с теми странами, в которых индекс дистанции власти (ИДВ) очень низкий и в которых власть имущие фактически стыдятся своей власти и даже стараются приуменьшить важность своего статуса: не пользуются особыми привилегиями, нередко подчеркивают свой неформальный статус, отказываясь от формальных символов (на работу ездят на трамвае, на велосипеде, путешествуют на автофургоне; в России же чиновники высшего ранга прибывают на службу, используя даже воздушный транспорт).

Господствующий принцип в России: правительство, президент и парламент командуют и делают все, что им хочется и как хочется, пренебрегая интересам, правами и свободами граждан, а также здравым смыслом. Именно это явилась веским основанием для выводов Г. Хофстеде о России как стране с очень высокой дистанцией власти [6, 9] (*Naumov, 1996; Khofstede, 1983*). Эти выводы подтверждаются и более поздними международными исследованиями 1990-х и нулевых годов, проводимыми группой

GLOBE (Global Leadership and Organization Behavior Effectiveness).

По результатам исследования GLOBE (начавшихся в 1993 году) характерной особенностью всех стран Восточной Европы является высокая дистанция власти. Лидируют в этом отношении две страны – Россия и Венгрия, имеющие самый высокий показатель дистанции власти. Среди наиболее значимых результатов исследования отмечается так называемый «эффект маятника» [5] (*Matiash, 2005*); контраст между тем, что, по восприятию российских респондентов, существует на самом деле, в практике, и тем, что, по их мнению, должно быть (*табл.*).

Так, если индекс существующей дистанции власти в России оценивается как один из самых высоких (что характеризует восприятие власти как наиболее важной части жизни, преклонение перед начальством, излучающим значительность, властность, непререкаемость, могущество), то индекс предпочитаемой, долженствующей быть дистанцией власти оценивается почти в два раза ниже, что является зеркальным отражением стремления российских граждан (по свидетельству их уполномоченных представителей-респондентов) к обретению какой-либо уверенности в определенных, заранее структурированных ситуациях, защиты от злоупотребления властью чиновниками всех рангов, подрывающего веру людей в способность власти изменить весь комплекс сложившихся условий совместного сосуществования к лучшему.

Росстат не так давно представил результаты опроса населения, проведенного экспертами Института социологии РАН по выявлению «социального самочувствия граждан РФ и степени доверия власти». Эксперты выявили нарастающее в обществе недовольство властью. На существующее противоречие между властью и народом указывают 30% респондентов. А с учетом того, что такое противоречие во многом совпадает с конфликтами между чиновниками и гражданами, между бедными и богатыми, а также между олигархами и остальным обществом, почти 70% граждан РФ фиксируют явные общественные противоречия, что является индикатором негативной оценки деятельности власти в целом. И связано это, прежде всего, с падением уровня жизни, со стабильной нищетой для одних и стабильным обогащением и вседозволенностью для других [14] (*Bakacsi, Takacs, Karacsonyi, Imrek, 2002*).

Полагаем, что граждане живут и действуют не в правовом поле, с бережным позитивным законодательством, а в рамках нарушений законов, не пресекаемых ближайшими контролирующими организациями. Люди теряют веру, доверие в действенность и эффективность государственных органов.

Низкий уровень доверия власти, государству предопределяется главным образом запредельно низкой эффективностью системы управления, обусловленной крайне некомпетентными действиями, «неловкими, но сильно притопывающими танцорами» (Ф. Достоевский), оказавшимися нечаянно в коридорах власти и не умеющими «греть сны народных масс яснее, чем они сами грезят» (А. Герцен).

Решение проблемы развития и повышения общественного доверия в России возможно при условии появления во власти новой породы чиновников (как это сделал в

Таблица

Характеристика России в исследовании GLOBE

Показатели организационной культуры	Средние мировые показатели			Россия			Показатели России в сравнении со средним мировым	
	Как есть	Как должно быть	Отклонение (+), (-)	Как есть	Как должно быть	Отклонение (+), (-)	Отклонение по факту (как есть) (+), (-)	Отклонение по нормативу (как должно быть) (+), (-)
Отношение к неопределенности («избегание неопределенности»)	4,158	4,621	0,463	2,85	5,09	2,24	-1,308	0,469
Ориентация на будущее	3,837	5,588	1,751	2,80	5,50	2,70	-1,037	-0,088
Дистанция власти	5,147	2,781	-2,366	5,56	2,55	-3,01	0,413	-0,231
Коллективизм на уровне общества	4,235	4,719	0,484	4,45	3,80	-0,65	0,215	-0,919
Гуманистическая ориентация	4,092	5,388	1,296	3,97	5,61	1,64	-0,122	0,222
Ориентация на качественное исполнение	4,094	5,879	1,785	3,32	5,52	2,20	-0,774	-0,359
Коллективизм на уровне семьи и групп	5,118	5,639	0,521	5,67	5,8	0,13	0,552	0,161
Равенство полов	3,397	5,512	2,115	4,12	4,19	0,07	0,723	-1,322
Напористость, конфронтационность	3,858	3,707	-0,151	3,75	4,69	0,94	-0,108	0,983

Источник: составлено по [7, 15, 18] (Savin, 2004; Bakacs, Takacs, Karacsonyi, Imrek, 2002; House, Javidan, Hanges, Dorfman, 2002)

свое время Наполеон), имеющих специально полученное образование и являющихся истинными патриотами, «любящими Родину ни за что» (Н. Бердяев).

Ржавчина бюрократии

Однако обратимся к истокам обозначенной ситуации, а именно к универсальной форме социальных организаций в обществе (политических, идеологических, экономических и др.), в которых центры исполнительной власти практически независимы от большинства их членов – к бюрократии, «ворвавшейся» в жизнь планетарного социума в конце XIX века в формате узкого привилегированного чиновничье-административного слоя. Вот как описывает М. Вебер идеальную модель бюрократического типа

государства: «С победой формалистического юридического рационализма на Западе с прежними видами господства появился тип легального господства, основной, хотя и не единственной разновидностью которого было и есть бюрократическое господство. К важнейшим представителям этой структуры господства относятся «...» современные государственные и коммунальные чиновники, современные католические священники и капелланы, служащие современных банковых крупных капиталистических предприятий. Решающим для нашей терминологии признаком является то, что подчинение теперь основывается не на вере и преданности харизматической личности, пророку, герою или освященной традицией личности властителя, или легитимированных в силу привилегий обладателей собственного права, земли или должности, но на лишенном личного характера объективном «служебном долге», который, как и право на власть, «компетенция», определялся посредством рационально установленных норм (законов, предписаний, правил) таким образом, что легитимность господства выражается в легальности общих, целенаправленно продуманных, корректно сформулированных и обнародованных правил» [1] (Veber, 1994).

При этом Вебер допускал (и полагал), что подавляющее большинство форм господства представляет собой комбинацию из нескольких типов или промежуточное состояние между ними.

Советский бюрократический аппарат лишь частично совпадает с идеальным типом бюрократии. Ее существенная особенность (эта особенность экстраполирована на новейшую историю России, на день сегодняшний, полагать надо – на ближайшие шесть лет) заключается в том, что выделенные Вебером существенные признаки не составляют (не образуют) ее сущности. В ленинской и сталинской бюрократии (а затем в хрущевской, брежневской, горбачевской, ельцинской и путинской) очень значителен до обожествления элемент *харизматического* и *традиционалистского* (советского происхождения) типов.

Харизматическое господство основывается на поклонении вождю, наделенному сверхъестественной силой. Именно это обстоятельство (а точнее, учет этого обстоятельства) позволяет понять логику становления и эволюцию чиновничьего аппарата на протяжении всего периода развития советской, а затем российской государственности. Патриархальному (и патримониальному – наследственному, родовому – как его разновидности) господству, с точки зрения Вебера (а также реальной действительности), свойственно то, что наряду с системой непреложных норм «действуют свободный произвол и личность господина, основанные в принципе, на чисто «личных», а не на «объективных» отношениях и поэтому «иррациональных» [1].

Развитие советского аппарата не только при Сталине, но и при остальных генеральных секретарях несло на себя печать «родимых пятен» *патримониального* господства. Кроме того, советский бюрократический аппарат, лишенный действенного контроля извне, имел тенденцию к приватизации государственных постов, средств управления и извлечению из этого ренты для личного потребления. В брежневский период этот

процесс получил особенно широкий размах. Во многих местах отмечались явные признаки превращения должностей в подобие феодальных кормлений: дается или покупается должность, «левые доходы» от которой составляют основную часть доходов чиновника. В постсоветский период, особенно за восемнадцать лет путинского правления, этот процесс достиг своего апогея благодаря небывалой в истории последних веков деградации государственного аппарата.

Крах политического режима в 1991 году давал основания надеяться на уничтожение в стране государства как механизма диктатуры чиновничества. Однако произошло обратное: не «демократы» перестроили государство, а прежнее советское чиновничество и аппарат, пройдя реорганизацию, поглотили тех немногих «демократов», которые туда попали, и диктатура чиновничества была возрождена в новых идеологизированных формах. Бюрократия всегда приспосабливалась к любым реформам. А затем стремительно приспосабливала их к себе [2] (*Kosmin, Kosmina, 2004*).

Во многих странах мира бюрократический аппарат формируется, как правило, из не очень состоятельных людей (это хорошо, если жалование высокое, и это так же плохо, если жалование невысокое, поскольку это прямой путь к коррупции), но имеющих специальную профессиональную подготовку и опыт управленческой работы.

Согласно исходной модели, чиновники – это наиболее сознательная часть общества с якобы запрограммированным максимально полным сближением общенародных и личных интересов на базе бескорыстного служения обществу.

Трагедия нашего общества заключается в том, что чиновники в новейшей истории России (за редким исключением) оказались людьми «среднего числа» с неистребимым императивом, негласным требованием (и его реальной материализацией) удовлетворения не имеющих предела насыщения потребностей [2, 3].

Нынешний бюрократический аппарат России сформирован из людей состоятельных (имеющих таких же состоятельных и очень одаренных своих детей, обучающихся или обучавшихся в лучших университетах мира, являющихся владельцами или совладельцами различных компаний и имеющих все шансы на «попадание» в высшие эшелоны власти) материально, но далеко не состоятельных в делах профессиональных, что и привело к значительному росту главных угроз экономической безопасности, обозначенных в утвержденном президентским указом «Стратегии экономической безопасности России на период до 2030 года (15 мая 2017 года)», среди которых низкие темпы роста ВВП; несбалансированность российской бюджетной системы; неэффективное госуправление; углубление неравенства; низкое качество образования и медицинского обслуживания и т. д.

За годы перманентных потрясений – реформ («В России любят затевать реформы только потому, что так легче скрыть неумение править» – П. Столыпин) произошли существенные потери населения: в уровне здоровья, образования, общей культуры и т. д., потери необходимо восполнить, что представляется невероятно сложным при снижающихся социальных обязательствах государства и продолжающейся коммерциализации социальной сферы.

В обществе реально возрос запрос на справедливость, честность и правдивость. В этой связи нелишне напомнить, что в иерархии человеческих ценностей, которые отсеивались и отбирались в течение двух христианских тысячелетий, находятся четыре «венца» – венец жизни, венец слова, венец похвалы и венец правды, которыми человек награждается за праведную жизнь. В Священном писании на первом месте стоит «венец правды»: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил, а теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь...». Так вот с этим самым главным венцом – «венцом правды – дела в России начиная с верхних эшелонов власти и кончая властью руководителей организаций обстоят из рук вон плохо («Правда настолько драгоценна, что ее должен сопровождать эскорт лжи», – любил повторять Черчилль).

Власть взяла на вооружение пушкинскую мантру: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман». Не желая признавать бесперспективность и банкротство экономической модели, навязанной стране либеральными фундаменталистами, и опасаясь нарастающего в обществе недовольства проводимым курсом, власть пытается приукрасить кризисную картину с помощью официальной статистики, старательно рисующей «картину маслом» (Факты – упрямая вещь, но статистика гораздо сговорчивее) – Лоренс Питер).

К «отягчающим» разумную действительность (Гегель) обстоятельствам – «достижениям» нынешней власти, предопределившим высокий уровень недоверия к последней, относятся [3]:

- несоблюдение законов властью;
- дефицит правды и лукавство властей;
- коррупция, ставшая едва ли не главным динамично растущим «сектором» экономики;
- очевидная несправедливость судов;
- жирующие чиновники и олигархи, получившие богатство от мирового «синедриона» задаром (с зарубежными счетами, виллами, особняками), для которых сама по себе власть не является ценностью, но стремление к власти для них имеет инструментальное значение, поскольку она (власть) является средством достижения других целей – высокого дохода, престижа, выгодных связей, привилегий и т. д. (в отличие от Столыпина, новые «Каренины» идут во власть не для того, чтобы служить Родине, а чтобы припасть к благам и привилегиям, поскольку власть «вкуснее хлеба»);
- отсутствие селекции лучших кадров государственной деятельности всех рангов;
- отсутствие системы социальных лифтов, откровенное и неприкрытое блокирование естественного стремления людей недюжинных потенциальных способностей занять статусные позиции, прежде всего, в государственных организационных структурах, в которых режим наибольшего благоприятствования предоставляется людям не по критерию их профессиональных способностей,

а по критерию родства, наличия у них влиятельных связей (социального капитала) или больших денег;

- ограничение личной свободы, находящее отражение в предпочтениях, отдаваемых зажиточным слоям населения при выборе альтернатив политико-экономических мероприятий – личная свобода богатого человека вступает в столкновение с личной свободой неимущего человека;
- свобода не уравновешена и не поддержана законностью, справедливостью, защитой слабого;
- нежелание бизнеса, получившего в свое время от государства за гроши современные предприятия, передовые технологии и научную базу, честно делиться с ним частью дохода и обеспечивать своим рабочим достойные зарплаты и пенсии;
- перманентное реформирование, оптимизирование системы образования, здравоохранения, науки и культуры, на поверку оказывающиеся дестабилизаторами ситуации в последних;
- нарушение трудового законодательства, особенно на предприятиях бизнеса всех уровней;
- сокращение внутреннего спроса в результате «сжатия» денежной массы, обуславливающее падение объемов производства товаров и услуг и как следствие сокращение рабочих мест;
- снижение реальных располагаемых доходов населения за последние четыре года;
- повышение налоговой нагрузки на физических и юридических лиц;
- перманентный рост тарифов ЖКХ;
- оптимизация масштабов (то есть сокращение) личного подсобного хозяйства на селе;
- повышение кадастровой стоимости жилья;
- увеличение доли иностранного капитала в важнейших отраслях экономики от 45% до 95%;
- недостаточное финансирование сельскохозяйственного производства;
- сокращение естественного прироста населения и средней продолжительности жизни;
- ожидаемое увеличение пенсионного возраста не сразу, а по методике бравого солдата Швейка, рекомендовавшего купировать хвост собаке по частям, чтобы она привыкла и ей не было сильно больно. Следовательно, пенсионный возраст будет повышен не сразу на 5 лет для мужчин и на 8 лет для женщин, а по частям – каждые полгода на полгода. Это грозит масштабной социальной катастрофой – увеличится численность бедных (а Указ Президента предусматривает их сокращение в 2 раза), безработных, больных и правонарушителей (преступников) (кстати, по данным Росстата РФ, в 62-х регионах из 85-ти мужчины не доживают до 65 лет, а в 3-х регионах не доживают и до 60-ти [14]);

- высокая степень эксплуатации – доля зарплаты работника в созданном им продукте в России составляет – 55–60%;
- низкие пенсии – 235 долл. США по сравнению с 3400\$ в Швейцарии, 2850\$ в Японии, 2650\$ в Германии, 2150\$ в США, 510\$ в Польше, 440\$ в Эстонии.

Изложенные выше обстоятельства предопределены предельно низкой эффективностью системы управления.

Доверие к федеральной власти иногда повышается в результате «передачи фишек» по вертикали вниз, и, наоборот, доверие к федеральной власти снижается, когда «фишки» отправляются вверх, снимая ответственность за возможно допущенную ошибку или неисполнение на уровне региональном. В реальном материале действительности, например, вина за неисполнение «майских указов» (2012 г.) возложена президентом на регионы, но не на правительство, несущее полную ответственность за социально-экономическое развитие страны. Кстати, искусство передавать «фишку» практикуется не только на государственной службе, оно процветает в любой крупной организации.

Заключение

Для сокращения «квоты» всенародного недоверия к тем или иным структурам власти и ее представителям следовало бы реализовать следующие меры, предлагаемые нами на протяжении многих лет:

- добиться прозрачной деятельности административных органов всех уровней посредством создания системы мониторинга их деятельности и общественного контроля;
- ввести в практику контроля и оценки деятельности административных структур и отдельных чиновников показатели выполнения ими делегированных им функций;
- разработать ясную, однозначно трактуемую систему персональной ответственности за отклонение в худшую сторону фактически достигнутой величины показателей от нормального, прогнозируемого уровня. И это будет совершенно объективным основанием для отказа делегирования в дальнейшем за невыполнение соответствующих функций и выражения недоверия;
- возвести в ранг закона всенародное обсуждение законопроектов, постановлений правительства, касающихся жизненно важных проблем российских граждан (повышение жизненного возраста, увеличение подоходного налога на физических лиц и т. д.). Так называемые угодные властям «эксперты» должны делегировать свои полномочия телевизионным проектам, площадкам для открытой, публичной дискуссии.
- и последнее, но самое главное, касающееся морального облика постсоветских «элит»: ведь недоверие власти, высокий индекс дистанции от власти – это недоверие к конкретным людям, персонам, власть имущим, кому и принадлежит

инициатива упразднения достигнутого в советский период примирения (Ф. Достоевский) власти и народа. И все это банально началось с того момента, когда представители советского бродильного начала (Е. Гайдар, А. Чубайс и другие) осуществили передел государственного устройства, трансформацию социально-экономической системы в иное качество, о чем и было объявлено:

а) «Россия как государство русских не имеет исторической перспективы (Е. Гайдар);

б) «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут» (А. Чубайс). А выросли, и вырастут ли новые, если так явно демонстрируют их эпигоны свое пренебрежение к народу, его проблемам и интересам?

Доверия к власти можно достичь при условии превращения (по И. А. Ильину) государственной власти в действительный, авторитетный орган политического единения, что становится возможным исключительно только тогда, когда представители власти учитывают законы не только экономические, но и психологические. Важно понимать пути и весь инструментарий влияния на людей, укрепления общественного согласия, формирования демократического сознания, развития гуманистической культуры, развития процесса становления личности. Следовательно, тогда и только тогда произойдет изложенное выше, когда во власти окажутся люди с инкорпорированным в них не материальным, а нравственным капиталом.

Как полагал Н. Г. Чернышевский, «капитал, который можно назвать нравственным, гораздо важнее материального. Этот важнейший национальный капитал есть запас нравственных сил и умственной развитости в народе» [10] (*Chernyshevskiy, 1949*). А академик Н. Янжул включал фактор честности в число факторов экономического роста [13] (*Yanzhul, 1912*). Значительно позже лауреат Нобелевской премии А. Швейцер подтвердил эту мысль, сказав о том, что нравственность – не только закон, но и коренное (базисное, родовое) условие существования и развития жизни. «Среди сил, формирующих действительность, нравственность является первой», – отмечал А. Швейцер [11] (*Shveytser, 1973*).

И как тут не вспомнить тоже «отлитую в граните» гениальную мысль еще одного «реформатора» – экс-министра финансов А. Кудрина о том, что «новое правительство как тигр готовится к прыжку» (непонятен только вектор прыжка).

ИСТОЧНИКИ:

1. Вебер М. Образ общества. – М: Юрист, 1994.
2. Косьмин А.Д.; Косьмина Е.А. Интеллектуальный потенциал общества; формирование, оценка и эффективность использования. – М: Экономика, 2004. – 318 с.
3. Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. Гармонизация технологических механизмов рынка и государства как условие социально-экономического прогресса. – М: Креативная экономика., 2017.
4. Латова Н.В. Российская экономическая ментальность: какой она была в 1990-е годы

- и какой тип работника сформировался в результате?. Интернет-конференция «Поиск эффективных институтов для России XXI века. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.edu.ru/db/msq/116475>.
5. Матьяш О.И. Особенности коммуникативных взаимодействий в организационной среде России и США // Организационная коммуникация: Материалы первой Международной конференции / Под общей редакцией И.Н. Розиной. – Ростов-на-Дону, 2005.
  6. Наумов А.И. Хофстедово измерение России (влияние национальной культуры на управление бизнесом) // Менеджмент, 1996. – № 3.
  7. Савин А.В. Российская Евразия в «мире цивилизаций». Евразийский Вестник. Журнал теории и практики евразийства. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ejournal.ru/euro-st3-23.html>.
  8. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, 2004.
  9. Хофстеде Г. Измерения национальных культур в пятидесяти странах и трех регионах. – М.: Наука, 1983.
  10. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т.3. – М.: Художественная литература, 1949.
  11. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Наука, 1973.
  12. Андриевский И.Е. Энциклопедический словарь. / Под ред. И.Е. Андриевского. – СПб.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1891.
  13. Янжул И. Экономическое значение честности (забытый фактор производства). – М.: Наука, 1912.
  14. Gks.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
  15. Bakacsi G., Takacs S., Karacsonyi A., Imrek V. Eastern European cluster: tradition and transition // Journal of World Business, 2002. – № 37.
  16. Lim S., Morshed M., Khum C. Trust and macroeconomic performance: A two-step approach // Economic Modelling, 2018. – № 68.
  17. Nunkoo P. et al (2018). Public trust in mega event planning institutions: The role of knowledge, transparency and corruption. Tourism Management. 66.
  18. House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P. Understanding cultures and implicit leadership theories across the globe : an introduction to project GLOBE // Journal of World Business, 2002. – № 37.

REFERENCES:

- Andrievskiy I.E. (1891). Entsiklopedicheskiy slovar [Encyclopedic dictionary] SPb.: Izd-vo Brokgauz-Efron. (in Russian).
- Bakacsi G., Takacs S., Karacsonyi A., Imrek V. (2002). Eastern European cluster : tradition and transition Journal of World Business. (37).
- Chernyshevskiy N.G. (1949). Poln. sobr. soch. T.3 [Full. collect. op. V.3] M.: Khudozhestvennaya literatura. (in Russian).

- Fukuyama F. (2004). *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: social virtues and the path to prosperity] M.: AST (in Russian).
- Gks.ru. Retrieved from <http://www.gks.ru>.
- House R., Javidan M., Hanges P., Dorfman P. (2002). Understanding cultures and implicit leadership theories across the globe : an introduction to project GLOBE *Journal of World Business*. (37).
- Khofstede G. (1983). *Izmereniya natsionalnykh kultur v pyatidesyati stranakh i trekh regionakh* [Measures of national cultures in fifty countries and three regions] M.: Nauka. (in Russian).
- Kosmin A.D., Kosmina E.A. (2017). *Garmonizatsiya tekhnologicheskikh mekhanizmov rynka i gosudarstva kak uslovie sotsialno-ekonomicheskogo progressa* [Harmonization of technological mechanisms of the market and the state as a condition of social and economic progress] M.: Kreativnaya ekonomika. (in Russian).
- Kosmin A.D; Kosmina E.A. (2004). *Intellektualnyy potentsial obschestva; formirovanie, otsenka i effektivnost ispolzovanie* [Intellectual potential of the society; formation, evaluation and efficiency of use] M.: Ekonomika. (in Russian).
- Lim S., Morshed M., Khum C. (2018). Trust and macroeconomic performance: A two-ster approach *Economic Modelling*. (68).
- Matiash O.I. (2005). *Osobennosti kommunikativnykh vzaimodeystviy v organizatsionnoy srede Rossii i SShA* [Features of communicative interactions in the organizational environment of Russia and the United States] *Organizational communication*. 43-62. (in Russian).
- Naumov A.I. (1996). *Khofstedovo izmerenie Rossii (vliyanie natsionalnoy kultury na upravlenie biznesom)* [Hofstede's dimension of Russia (the influence of national culture on business management)]. *Menedzhment*. (3). 71-95. (in Russian).
- Shveytser A. (1973). *Kultura i etika* [Culture and ethics] M.: Nauka. (in Russian).
- Veber M. (1994). *Obraz obschestva* [The image of society] M.: Yurist. (in Russian).
- Yanzhul I. (1912). *Ekonomicheskoe znachenie chestnosti (zabytyy faktor proizvodstva)* [The economic importance of honesty (a forgotten factor of production)] M.: Nauka. (in Russian).